

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 3 (51). С. 282–296

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 3 (51), pp. 282–296

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-3-51-282-296>, EDN: XDCBCS

Научная статья

УДК 811.161.1'38'42:343+929Вышинский

Обвинительные речи А. Я. Вышинского: специфика жанра, интерпретация ораторского стиля

О. Ю. Авдевина

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Авдевина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации, olga.rosauz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2239-3285>

Аннотация. Статья посвящена анализу особого жанра юридической словесности – обвинительной речи. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в лингвистике комплексного подхода к изучению судебной речи, к которому могут быть приложимы как общие подходы лингвистического исследования, например, функционально-языковой, стилистический, речеведческий, коммуникативный, так и интегральные, отвечающие целям и задачам разных научных дисциплин: логики, права, социологии, риторики. Целью исследования является, во-первых, охарактеризовать сам жанр обвинительной речи с точки зрения правовых требований к речи обвинителя и традиций судебного разбирательства, во-вторых, на примере конкретных речей рассмотреть языковые средства реализации таких риторических параметров, как логос, этос и пафос. Поскольку ораторский стиль А. Я. Вышинского характеризуется, прежде всего, ярким, исторически маркированным, идеологически окрашенным пафосом, главное внимание в статье сосредоточено на анализе содержательной и языковой организации пафоса речи – как в ораторском стиле Вышинского, так и в общетеоретическом плане. В статье предложены направления реконструкции пафоса: анализ саморефлексии оратора, этической и идеологической обусловленности демонстрируемых в речи эмоций; индивидуальный пафос оратора рассматривается в контексте пафоса эпохи. Специфическим структурным качеством именно обвинительной речи является обязательное для этого жанра включение характеристик участников судебного процесса. У Вышинского характеристики обвиняемых коррелируют со стратегией обвинения и пафосом. С точки зрения отбора языковых средств для речевого портретирования эти характеристики близки к формированию образов персонажей художественных произведений, поэтому могут и должны, по мнению автора статьи, изучаться с применением методик лингвопоэтики. Автор приходит к выводу о том, что главным фактором формирования стиля и языковых особенностей обвинительных речей Вышинского является историко-политический контекст его выступлений.

Ключевые слова: обвинительная речь, риторика, судебный процесс, политические дела, обвинение, обвинитель, пафос, патетика, ирония, политическая пропаганда, характеристика личности

Для цитирования: Авдевина О. Ю. Обвинительные речи А. Я. Вышинского: специфика жанра, интерпретация ораторского стиля // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 3 (51). С. 282–296. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-3-51-282-296>, EDN: XDCBCS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A. Y. Vyshinsky's prosecution statements: The specifics of the genre, interpretation of oratorical style

O. Yu. Avdevnina

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Olga Yu. Avdevnina, olga.rosauz@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2239-3285>

Abstract. The article is devoted to the analysis of such a specific genre of legal literature as prosecution statement. The relevance of study is determined by the lack of an integrated approach to the study of the trial speech in linguistics. Both general methods of linguistic research (for example, functional-linguistic, stylistic, speech science, communicative) and integral methods meeting the goals and objectives of different scientific disciplines (such as logic, law, sociology, rhetoric) can be applied to the study. The purpose of the study is, firstly, to characterize the genre of the prosecution statement from the point of view of legal requirements for the speech of the prosecutor and traditions of court speaking, and secondly, to consider the linguistic means of implementing such rhetorical parameters as logos, ethos and pathos using the example of specific speeches. Since the oratorical style of A. Ya. Vyshinsky is characterized primarily by bright, historically marked, ideologically colored pathos, the main attention in the article is focused on the analysis of the content and linguistic organization of the pathos of speech both in Vyshinsky's oratorical style and in general theoretical terms. The article suggests the following directions for reconstructing pathos: analysis of the speaker's self-reflection, ethical and ideological conditionality of emotions demonstrated in speech; the individual pathos of the speaker is considered in the context of the time. A specific structural feature of a prosecution statement is the inclusion of characteristics of participants in the trial, which is mandatory for this genre. In speeches of Vyshinsky, characteristics of a defendant correlate with the prosecution strategy and pathos. From the point of view of selection of linguistic means for speech portraiture, these characteristics are close to the formation of images of characters in works of art, therefore, they can and should, in the opinion of the author of the article, be studied with the use of linguapoetics methods. The author comes to the conclusion that the main factor in the formation of the style and linguistic features of Vyshinsky's prosecution statements is the historical and political context of his speeches.

Keywords: prosecution statement, rhetoric, trial, political cases, prosecution, prosecutor, pathos, irony, political propaganda, personality characteristics

For citation: Avdevnina O. Yu. A. Y. Vyshinsky's prosecution statements: The specifics of the genre, interpretation of oratorical style. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 3 (51), pp. 282–296 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-3-51-282-296>, EDN: XDCBCS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

1. Обвинительная речь: контуры жанра, основные подходы к лингвистическому анализу

Обвинительная речь – один из древнейших видов судебного разбирательства, который может и должен рассматриваться как самостоятельный речевой жанр, обладающий многоаспектными характеристиками: правовыми, логическими, коммуникативными, языковыми, отражающими его интегративный характер – отнесенностью как к сфере публичной речи и ораторскому искусству, так и к профессиональной юридической словесности, речи и коммуникации и даже шире – к языковой концептуализации права как особой области знания.

Из специфических жанровых ее черт следует отметить, прежде всего, то, что она составляется и функционирует не автономно, а в комплексе с другими жанрами судебно-правовой сферы, организуется как реакция на другие тексты, что определяет ее внутреннюю диалогичность. **Во-первых**, в изложении и оценке правовых событий обвинительная речь базируется на сведениях и выводах, содержащихся в материалах так называемого дела, в многочисленных документах предварительного расследования (подробнее см. [1: 127–135]), в том числе тех, из которых

составитель речи порой заимствует, пересказывает, интерпретирует или цитирует целые фрагменты (диалоги из протоколов допросов, показания свидетелей, выдержки из экспертных заключений, обвинительных заключений, обвинительных актов и т. д.) и, конечно, текстов законодательных и других правовых документов, используемых в правовой аргументации обвинения.

Во-вторых, в плане организации судебного процесса, упорядочения выступлений главных его участников, обвинительная речь является своеобразным «парным» жанром, коррелирует с речью защитительной, так как само обвинение и порядок его предъявления и обоснования в речи прокурора становится формальным стимулом для судебного следствия (обсуждения доказательств, допроса обвиняемого, опроса свидетелей и т. д.), для возражения, опровержения или переквалификации обвинения защитником-адвокатом, да и в самой обвинительной речи прокурор порой апеллирует к возможным или уже высказанным в той или иной форме доводам защиты. Так реализуется важнейший принцип судопроизводства любой отрасли права – состязательность сторон: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. В этом положении заложен глубочайший смысл. Судить – значит разрешать

юридический спор сторон, наделенных одинаковыми правами, присуждая победу одной стороне и поражение другой» [2]. Состязательность – это специфическая, свойственная именно юридической словесности характеристика судебного процесса, предустановленный концепцией судебной тяжбы и процедурой суда принцип судопроизводства, который вполне закономерно для многих форм публичной речи выражается в диалогичности устной коммуникации.

В-третьих, сам жанр обвинительной речи в плане текстового оформления является целостным только относительно, так как представляет собой удвоенное, пролонгированное выступление. Например, согласно современному уголовно-процессуальному кодексу, фиксирующему сложившуюся исторически в практике судопроизводства процедуру обвинения, прокурор выступает с обвинением как минимум дважды: в начале судебного следствия ему принадлежит право первому изложить обстоятельства дела и обозначить тезисы обвинения, в конце он принимает участие в так называемых судебных прениях и произносит речь перед заключительным словом адвоката и последним словом обвиняемого. Как правило, именно в судебных прениях, т. е. на последнем этапе судебного разбирательства, в полной мере проявляется содержательная направленность и лингвистическая специфика обвинительной речи, реализуются все те аспекты, которые ей присущи: от правовой оценки обстоятельств дела до логической организации как самого выступления, так и использованных приемов аргументации и средств воздействия на адресата, в качестве которого выступают суд, обвиняемый и его представители, присяжные и другие участники судебного процесса.

На организацию обвинительной речи и структуру самого жанра оказывают влияние, прежде всего, правовые требования к судебному выступлению обвинителя, например, такая категория уголовно-процессуального права, как *обвинение*. Естественно, в анализе исторического материала, каковым являются речи А. Я. Вышинского, необходимо опираться на процессуально-правовые документы соответствующей эпохи. Однако в современном Вышинскому Уголовно-процессуальном кодексе 1922 г. нет теоретического обоснования обвинения как правовой категории [3], но исходя из того, что понимание этой категории сложилось в практике отечественного судопроизводства с давних времен, считаем возможным привести современное его толкование: *обвинение* – это «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдви-

нутое в порядке, установленном УПК РФ. Содержание обвинения образуют обстоятельства совершения преступного деяния (место, время и способ его совершения, форма вины, мотивы, цели, последствия) и юридическая (уголовно-правовая) квалификация данного деяния со ссылкой на норму уголовного закона» [4: 783–784].

Уже в этом определении понятия *обвинение* задана стратегия аргументации (утверждение) и те компоненты содержания – факты и умозаключения – которые должны быть обязательно приведены и квалифицированы в обвинительном выступлении. К ним относятся деяние и обоснование его противоправности, форма вины, место, время и т. д. В современном Уголовно-процессуальном кодексе РФ они перечислены в разделе, посвященном доказательству и доказыванию (Глава 10, статья 73 «Обстоятельства, подлежащие доказыванию»): событие преступления, виновность лица, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого и т. д. [5]. Эти требования к содержанию обвинительной речи определяют структурную и коммуникативную специфику жанра.

Правовое обоснование обвинительной речи, определяющее коммуникативно-риторический статус обвинителя, содержится и в законодательной регламентации судебной функции прокурора: прокурор – должностное лицо, «уполномоченное в пределах компетенции (...) осуществлять *от имени государства* (курсив мой. – О. А.) уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия» [Там же]. Стратегия обвинения и статус оратора регламентированы судебной функцией: обвинитель выступает не от себя лично, а от имени государства, закона, общества, что должно накладывать ограничение на использование им в своей речи субъективных суждений и оценок.

Обвинение в уголовном судопроизводстве как утверждение о вине подсудимого может носить личный, индивидуальный характер, если исходит от других участников процесса: это так называемое частное обвинение, но «обвинение, поддерживаемое прокурором, в отличие от частного, характеризуется прежде всего тем, что оно является государственным, осуществляется от имени государства. Слово «государственное» в данном контексте наполнено большим смыслом и не только юридическим. Оно означает в первую очередь, что прокурор, находящийся на государственной службе, отстаивает не частный, а публичный интерес» [6]. При этом даже предусмотренный законом отказ прокурора от обвинения – «это

не просто личное мнение прокурора, это основанная на личном участии в исследовании доказательств в ходе судебного разбирательства правовая позиция стороны обвинения» [Там же].

Примечателен этот множество раз оговоренный юристами, неустойчивый, но совершенно закономерный для живой жизни баланс между «личным участием» и официозом прокурора, между человеком-функцией (прокурор как государственное лицо) и человеком-личностью с его не поддающимися регламентации индивидуальным мышлением, мнением, субъективным взглядом на разбираемое дело: «Прокурорские заключения по возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам по своему юридическому значению равносильны мнению, соображению, высказывать которые предоставлено право любому участнику процесса, имеющему в деле собственный интерес, но не более того» [2].

Этот этический принцип теоретически отстаивал и А. Я. Вышинский: «Нельзя забывать, что прокурор есть представитель государственной власти. Это ко многому обязывает. Это обязывает раньше всего к тому, чтобы все поведение прокурора было направлено на поддержание авторитета и достоинства суда, достоинства государства. Прокурор должен вести себя на суде как настоящий большевик, лучшим украшением которого, как учит нас партия, является скромность. Прокурор всем своим поведением, характером вопросов, задаваемых подсудимому, обращением к суду, обращением к защите, должен показать, что он уважает закон и предоставленные законом права каждого участника процесса» (цит. по: [7: 5]).

Принцип состязательности обуславливает и специфику реализации в обвинительной речи такого риторического параметра, как обвинительный, обличительный, разоблачительный, уличающий пафос выступающего, причем прокурор ведет бой от имени государства, во имя государства и во утверждение государства, общества, закона, государственной власти, официальной идеологии, общепринятых ценностей. Забегая вперед: как бы ни коробили потомков тон и суждения тех прокуроров прошлого, которые оказались перед судом истории за свои требования расстрельных, виселичных и других карательных приговоров, они оставались в рамках своей процессуальной роли и в рамках правды своей эпохи (подробнее об этом см. [7, 8]).

В общую стратегию государственного обвинения, а значит и обвинительной речи входит и их просветительская и нравственно-педагогическая направленность: «Произнося речь, прокурор разоблачает всю низость и гнусность

совершенного преступления, показывает его социальную опасность, разъясняет сущность правовых норм и указывает на недопустимость их нарушения. Обвинительная речь открывает перед прокурором широкий простор для правовой пропаганды, для формирования правосознания граждан, повышения уровня их правовой культуры, воспитания у них уважения к законам, их строгого и неукоснительного соблюдения» [9: 184–185]; «строгая правовая аргументация судебных речей призвана способствовать законности отправления правосудия и правильному разрешению уголовного дела, а также усиливать воспитательное воздействие судебного процесса» [Там же: 132].

Воспитательная направленность имела свою специфику в эпоху А. Я. Вышинского: «Советским людям внушалось, что измена родине, сотрудничество с врагами нашей страны, шпионаж, вредительство, диверсии являются не просто уголовными преступлениями, а проявлениями полной деградации человеческой личности. Государственный обвинитель в такого рода процессах должен был (...) владеть ораторским искусством, знать, как своей обвинительной речью вызвать у публики ненависть и презрение к подсудимым» [7: 3].

Юристы отмечают, что воспитательно-профилактический аспект уголовного судопроизводства и его роль в формировании гражданского правосознания являются его исторической чертой, эти цели были обязательными и «присутствовали в формулировках задач уголовного судопроизводства, содержащихся в ранее действовавшем законодательстве. Тот факт, что в УПК Российской Федерации с этим законодательством в данном смысле утрачена историческая преемственность, может быть расценен как свидетельство твердых намерений законодателя исполнить текст УПК демократической России с чистого листа, хотя история учит другому, противоположному подходу» [2]. Стратегия правовой пропаганды и воспитательного воздействия на судебную аудиторию является той исторически специфичной, но и универсальной для обвинительных речей чертой, которая во многом определяет содержание, риторические параметры и специфику языка обвинительной речи как особого жанра судебного разбирательства.

В качестве еще одной универсальной черты обвинительной и защитительной судебной речи следует выделить своеобразие судебной аргументации, ее ступенчатый характер – соотношение и взаимообусловленность двух видов судебных аргументов: *судительных* и *советательных* [10: 68–108]. В проекции на судебную речь, и обвинительную, и защитительную, судительные аргументы – это *дока-*

зывание, аргументы, которые классифицируются по предмету доказывания (установление места, времени, события преступления, лиц-участников и их роли в преступлении и т. д.), совещательная аргументация – это *обоснование оценок и требований к наказанию*, она включает аргументы долженствования, к опыту (прецеденту), к невыносимости, к оптимуму и т. д.

Примечательно, что именно специфика аргументации привлекает к обвинительной речи внимание исследователей-лингвистов, которые рассматривают ее языковые формы в коммуникативном [11–13] и даже в лингвопоэтическом аспекте [14]. Формирование последнего направления изучения обвинительной речи обусловлено тем, что судебная, в том числе обвинительная, речь нередко становится объектом художественно-литературной стилизации (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский), что не только подтверждает ее жанровую природу, но и свидетельствует о культурно-историческом и нравственно-философском характере ее содержания и ее включенности в виде стенографических текстов в общекультурный фонд словесности.

Нетрудно заметить, что обозначенные выше правовые традиции обвинительной речи и законодательная их регламентация легко укладывается в принятую в риторике триаду классических канонов: *логос, пафос и этос*, которые хотя и понимаются по-разному, но в самом общепринятом толковании подразумевают такие требования к составлению обвинительной речи, как набор фактов, логические оценки и умозаключения – логос, эмоциональные компоненты речи – пафос, морально-нравственные, мировоззренческие и идеологические установки оратора и аспекты речи – этос. В процедурной регламентации обвинения, обозначенной выше, им соответствуют: 1) требование доказывания деяния, его противоправности и квалификации его обстоятельств; 2) требование ограничения субъективности оценок и внутренней идейной, государственно и идеологически обусловленной направленности выступления, не обязательно напрямую связанной с предметом судебного разбирательства; 3) требование нравственно-просветительской направленности обвинительной речи.

Логос, этос, пафос обвинительной речи легко проецируются и на другие теоретические положения классической риторики: теорию ритора и аудитории (коммуникативный аспект обвинительной речи), теорию аргументации (категории и процедуры доказывания и анализа доказательств).

Несмотря на то что риторика является в большей мере технологией, чем методо-

логией анализа, ее основные теоретические положения и категории (разделы, части, каноны) могут быть использованы в качестве инструмента и направления первичного лингвистического анализа конкретных ораторских жанров, в том числе жанров судебной речи. Эти направления пересекаются со сложившимися в лингвистике подходами к изучению произведений словесности: коммуникативным, лингвопоэтическим, текстоцентрическим, стилистическим и, конечно, жанрово-дискурсивным.

2. Стратегия обвинения и пафос эпохи в судебных выступлениях А. Я. Вышинского

Противно ученому, привыкшему к объективному исследованию истины, привыкшему *sumit sui que tribuere*, воздавать каждому по заслугам, противно ему наблюдать этот спор; но он должен помнить, что это ведь не воинственный диспут, а потасовка словами и доводами, потасовка грубая, как сама общественная жизнь.

П. Сергеев (П. С. Пороховщиков)

Времена не выбирают,
В них живут и умирают (...)
Время – это испытанье.
Не завидуй никому.
Крепко тесное объятье.
Время – кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас – его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять.

А. Кушнер

Из перечисленных выше параметров обвинительной речи наиболее специфичным для стиля оратора-обвинителя и для идеологического, мировоззренческого и культурологического характера эпохи, который неизменно отражается в нарративе, аргументации и оценке правового события, является, конечно, пафос.

Пафос – это и эмоциональный эффект, формируемый публичной речью, и особый прием воздействия на слушателя, «владение эмоциональной техникой аргументации» [15: 13]. Именно так он рассматривается в риторике. П. С. Пороховщиков – один из классиков судебного красноречия, адвокат рубежа XX – XXI вв., автор знаменитых книг по судебной риторике «Искусство речи на суде» и «Уголовная защита», выделял «искусство пафоса» и «пафос факта». Первое – это специальные приемы формирования эмоционального отношения к разбираемому делу: «Волнение оратора и судей в известных случаях есть естественное отражение фактов в душе человека. (...) (Оратор) имеет нравственное право не только поддерживать эти чувства в судьях и присяжных, но и создавать их» [16: 297]. Пафос же фактов – это

нравственно-эмоциональная подоплека самого события и рефлексия над ней, своеобразная тренировка чувств: «Если, обдумывая речь, вы не раз останавливались мысленно над фактами возмутительными или трогательными и перечувствовали их, они и во время самой речи разогреют вас, вызовут прежние чувства, притом в более сильной степени, потому что впечатлительность ваша уже повышена напряжением судебного следствия» [Там же: 307]. В какой-то мере пафос факта формирует саму личность судебного оратора, развивает его способность эмоционально, по-человечески относиться к предмету профессиональной деятельности, к людям и вообще к жизни, вопреки требованию бесстрастности разбора судебного дела.

Пафос судебного обвинителя обладает своей спецификой, что связано как с эмоционально негативной ориентацией самого обвинения – это обличение, разоблачение, осуждение, порицание, призыв к наказанию, так и с тем, что обвинитель представляет на суде государство. Уже сам пафос обвинения ставит его в позицию «светлой стороны», поборника правды, закона, защитника добра и справедливости. Совмещение этой его жанрово обусловленной маски с судебной функцией представителя государства невольно выводит обвинителя к апологетике общественных умонастроений, морально-нравственных ценностей, политических воззрений, утверждаемых господствующей властью, и официальной идеологии. Особенно это значимо для того исторического времени, которое отличается ярко выраженным идеологическим императивом, какой является, например, ранняя советская эпоха. Именно к этому времени (20–40-е гг. прошлого века) относится деятельность одного из самых известных и неоднозначных, если не сказать одиозных, деятелей отечественной судебной системы Андрея Януарьевича Вышинского, который оставил след как в истории права и политики, так и в искусстве судебного красноречия.

Для анализа ораторского стиля А. Я. Вышинского доступны сегодня те его речи, которые были изданы в 1955 г. [17] в качестве не только материалов известных политических процессов 20–40-х гг., но и образцов обвинительной речи. Конечно, в этот сборник вошли далеко не рядовые судебные дела, а те, кото-

рые имели важное государственное значение и процессы по которым были «показательными»¹.

Опубликованные его речи представляют собой не вступительные, а итоговые выступления прокурора (см. признак парности обвинительной речи), произносимые в конце судебного процесса, после многодневного судебного следствия. Специфика такой речи заключается в максимальной концентрации судительной и совещательной аргументации в ущерб повествованию о правовом событии и анализу фактических данных и конкретных доказательств. Все речи данного сборника по категории дел можно разделить условно на две группы: обвинения 1) по делам о хозяйственно-экономических и уголовных преступлениях (первые 6) и 2) политическим делам (последние 4). Эта дифференциация имеет значение для анализа и реконструкции пафоса речей А. Я. Вышинского.

Пафос обвинительной речи можно системно охарактеризовать, на наш взгляд, по следующим признакам и параметрам: 1) самопрезентация оратора, характер его позиционирования самого себя (рефлексия над своей ролью и/или социально-политической или нравственной миссией, своими чувствами, личным, субъективным отношением к делу и другим участникам судебного процесса и т. п., это рассуждение или даже элементы повествования о себе самом); 2) характер и средства выражения эмоций по отношению к преступлению и обвиняемому; 3) эмоциональная (иррациональная, психологическая) аргументация, степень, характер и средства выражения субъективности суждений и оценок; 4) наличие в пафосе идеологической составляющей, его политико-пропагандистская ориентация; 5) связь пафоса с этосом речи; этическая, морально-нравственная основа эмоциональной окраски речи.

«Первое условие истинного пафоса есть искренность» [16: 297], – писал П. С. Пороховщиков. Условием же создания эффекта искренности речи можно считать я-субъектность речи и саморефлексию говорящего: его обращение к своим чувствам и впечатлениям. Для эмоциональной составляющей стиля А. Я. Вышинского характерно подчеркнутое **я**, хотя это само по себе еще не означает индивидуального приема создания эффек-

¹Сборник включает речи А. Я. Вышинского по 10 уголовным делам: «Дело “Гукон” (Главного управления коневодства комиссариата земледелия РСФСР)» 1921–1922 гг. [17: 2–29]; «Дело ленинградских судебных работников» 1923 г. [Там же: 29–62]; «Дело Консервтреста» 1924 г. [Там же: 62–94]; «Дело о некомплектной отгрузке комбайнов» 1933–1934 гг. [Там же: 94–114]; «Дело о гибели парохода “Советский Азербайджан”» 1935 г. [Там же: 114–147]; «Дело бывшего начальника зимовки на острове Врангеля Семенчука и каюра Старцева» 1936 г. [Там же: 147–190]; «Дело о вредительстве на электрических станциях СССР» 1933 г. [Там же: 190–240]; «Дело троцкистско-зиновьевского террористического центра» 1936 г. [Там же: 240–267]; «Дело антисоветского троцкистского центра» 1937 г. [Там же: 267–305]; «Дело антисоветского “право-троцкистского блока”» 1938 г. [Там же: 305–356].

та искренности, так как обороты типа: *я обвиняю, я уверен, я позволю себе сослаться на..., я предвижу возражения защиты..., я беру на себя смелость утверждать..., я к вам обращаюсь...* и т. п. – характерны для стиля судебной ораторской речи, оформляют модальность судебной аргументации, обусловлены актуализацией речевой функции убеждения, направленного доказывания.

В контекстах с персонализированным **я** нередко используется контраст выражения личного сомнения с твердой уверенностью в особой вредности преступления, и это становится приемом воздействия на слушателей за счет создания эффекта беспристрастности в доказывании и объективности в выводах: *Дело развалено. Что же, расхитили, разграбили? Я этого утверждать не могу. В моем распоряжении нет достаточно твердых данных, чтобы сказать: да, расхитили... Может быть, расхитили, может быть, разграбили, а может быть, – и нет. Поэтому в расхищении я никого не могу обвинять и не обвиняю, но я обвиняю Розенберга и уже с ним в преступной халатности, в беспредельной бесхозяйственности, причинивших Советскому государству крупный ущерб...* [17: 76–77]. Языковые приемы актуализации я-субъектности и контраста сомнения и уверенности налицо: повторы местоимений 1-го лица (выделены в примере), повторы глаголов (выделены), антонимия *нет – да – нет*, антонимия *я не обвиняю – я обвиняю*, оценочная лексика (*преступный, бесхозяйственность, ущерб*), вопросно-ответная структура рассуждения – все это характерно для эмоциональной аргументации А. Я. Вышинского.

Подчеркнутая я-субъектность рассуждения, доказывания и выводов используется в его обвинительных речах и как средство формирования иронии. Ирония в речах А. Я. Вышинского позволяет облегчить восприятие утомительного изложения обстоятельств дела, разбора и анализа доказательств², разнообразит интонацию, снижает эмоциональное напряжение слушателей, и это действительно удается оратору, о чем можно судить по комментариям стенографиста: *смех в зале, движение в зале, смех* и т. п. Ирония нередко строится тоже на саморефлексии и противопоставлении: *...Не знаю, входили ли в план Розенберга неумышленные кильки. Но я, грешный человек, каюсь – заранее соглашаюсь выслушать с удовольствием лекцию ученого человека* [Там же: 82] (контраст: *я и ученый человек* и т. п.).

Как правило, ирония Вышинского направлена против подсудимых, конкретных лиц и используется в их характеристиках. Ее функция, помимо упрощения восприятия фактов, заключается еще и в выражении презрения оратора к подсудимым, в их унижении, осмеянии, ирония часто переходит в сарказм, в обличающую патетику (см. ниже: раздел об образной организации обвинительных речей Вышинского).

Иронические, саркастические характеристики обвиняемых весьма пространны. Неслышанная вольность – тратить на них время судебного процесса и внимание его участников и зрителей. Но они необходимы оратору именно в плане формирования эффективного и эффектного пафоса, нужного для убеждения аудитории (не только судьи, но и всех присутствующих в зале) эмоционального настроя, что гораздо для него важнее фактической и логической аргументации.

Ирония у Вышинского формируется в традициях литературной сатиры; это один из приемов создания типового образа человека: ловкача, мошенника, хитреца, бандита и т. п. Эмоциональный рисунок, структура пафоса становится сложнее, когда ирония резко переходит в обличение и даже проклятия – в одном и том же контексте или на пространстве одной речи:

И повадки у Николая Ивановича Бухарина точь-в-точь, как у Василия Ивановича Шуйского, как изображает его нам знаменитый писатель Островский:

*«Василий свет-Иваныч,
Что ни начини, все свято у него!
Заведомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовит,
А сам, гляди, вздыхает с постной рожей
И говорит: “Святое дело, братцы!..”»*

Так и Бухарин, – вредительство, диверсии, шпионаж, убийства организует, а вид у него смиренный, тихий, почти святой, и будто слышатся смиренные слова Василия Ивановича Шуйского: «Святое дело, братцы!» из уст Николая Ивановича. Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, иезуитства и нечеловеческой подлости... [Там же: 329].

Сменяющая иронию патетика страстного обличения, призыва к возмездии звучит особенно убедительно, после того как оратор показал ничтожность личностей преступников и чудовищность их преступлений. Тогда-то

²Последовательность изложения и интерпретация фактов и событий, их взаимосвязи, участия подсудимых в преступлении – каждого в отдельности, построение аргументации, языковое и коммуникативное оформление этих аспектов выступления А. Я. Вышинского могут стать самостоятельным направлением как лингвориторического, так и собственно лингвистического исследования его речей.

и появляются далекие от классической обвинительной аргументации призывы Вышинского к расправе (возмездию), характеризующие его как судебного оратора. Именно по таким высказываниям узнается и он, и то время, которое он представляет:

Перед нами – преступники, опасные, законенные, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы – вождем советской страны, вождем трудящихся всего мира!

Враг коварен! Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов! (...)

Взбесившихся собак я требую расстрелять – всех до одного! [Там же: 266].

Причем, чем менее конкретны доказательства, тем громче патетический обличительный пафос обвинения. Впрочем, это предварительное наблюдение: аргументативный аспект ораторского стиля А. Я. Вышинского, соотношение в его речах логоса и пафоса требует отдельного исследования.

В рамках формирования пафоса оратор рефлексировал и над судебно-правовой традицией государственного обвинения по поводу пафоса обвинения, основанной на отрешении прокурора от всего личного, от себя как частного лица, на требовании соблюдения его роли человека-функции. Обычно у Вышинского такая рефлексия может быть выражена формулой «я должен быть бесстрастным, но преступление так потрясло меня, что я не могу...»: *...Подходя к своей задаче, я должен сказать, что первое требование, которое я сам, как государственный обвинитель, ставлю себе, – это полное спокойствие, полная объективность, беспристрастность, но не бесстрастность. Я должен заранее сказать, я должен заранее перед вами, товарищи судьи, повиниться, – бесстрастным в этом деле быть нельзя, невозможно... [Там же: 34].* Оратор создает свой собственный, мгновенный психологический портрет: прочувствованные им материалы разбираемого дела, пережитое внутреннее потрясение, внутренняя борьба долга и чувства, склоненная перед судом голова (я должен повиниться...), горячее сердце поборника правды и справедливости.

К слову – такие оттенки пафоса можно отметить и у других обвинителей. Как правило, они появляются в делах об убийствах, других трагических событиях и тяжких преступлениях. У Вышинского же они встречаются даже

в разборе дел по бесхозяйственности, хищениям, взяточничеству. В любом деле он находит повод для трагической ноты, потому что трагедия не в самом преступлении, а в том, что это эпизод *классовой борьбы; влияние мелкобуржуазной стихии; разложение старого мира, старого сознания; тлетворное влияние этих проклятых традиций капитализма; вылазка врага, классовое сопротивление* и т. п.; практически каждое дело имеет из ряда вон выходящее политическое значение. Оратор неоднократно прямо декларирует, что в каждом деле советский суд должен разбирать не только собственно правовую, но и политическую сторону деяния обвиняемых. В этих частях обвинительная речь А. Я. Вышинского переходит в своеобразный пространный (вероятно, не на один час – судя по количеству посвященных ему страниц стенограммы) экскурс в труды классиков коммунизма, прежде всего, В. И. Ленина и партийных вождей – И. В. Сталина и В. М. Молотова, в политинформацию, пропаганду, идеологическое и политическое обоснование системы и принципов советского правосудия. В таких частях пафос хотя и лозунговый, но достаточно осторожный, скрытый за цитатами на злобу дня и политической терминологией. При этом, судя по цитируемым им фрагментам из речей и трудов «учителей коммунизма», для цитат он выбирает не тяжелые в теоретическом плане высказывания, а отдает предпочтение именно пафосным, ярким в эмоциональном плане выражениям, что, помимо его собственной речевой манеры, может свидетельствовать о его незаурядном языковом вкусе и внимании к образному слову и эмоциональной стороне речи.

Особую силу я оратора А. Я. Вышинского набирает в тех частях выступления, которые посвящены рефлексии над высокой миссией его речи в качестве не просто обвинителя, даже и политического, а морально-нравственного обличителя, где это я переходит в *мы*, а *мы* – это не столько и не только те, кто присутствует в судебном зале, сколько социально, идеологически и политически определенное сообщество – трудящиеся, советский народ, партия, советская республика, социалистическое государство:

Я обвиняю не один! Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников, – на костылях, искалеченные, полуживые, а может быть, вовсе без ног, как та стрелочница ст. Чусовская т. Наговицына, которая сегодня обратилась ко мне через «Правду» и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми!

Я не один. Я чувствую, что **рядом со мной** стоят вот здесь погибшие и искалеченные жертвы жутких преступлений, требующие от меня, как от государственного обвинителя, предъявлять обвинение в полном объеме.

Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь **рядом со мною**, укаывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю **вместе со всем нашим народом**, обвиняю тяжчайших преступников, достойных одной только меры наказания – расстрела, смерти! (Долго не смолкающие аплодисменты всего зала.) [Там же: 304–305]. Помимо средств экспрессивного синтаксиса (анафора, параллелизм, обращения), образных средств (образы мертвых, символы и лексика смерти), используется антитеза **мы** и **вы**: **вы** – это подсудимые, преступники, враги народа, вредители. Рефрен **я не один** призван приобщить к обвинению, сделать обвинителями, народными прокурорами весь советский народ, мобилизовать (глагол, любимый Вышинским в лозунговых контекстах: *мобилизовать против...*) все общество на борьбу с преступниками. Это пафос призыва к единению, непримиримости с врагом, преодолению трудностей, борьбе и победе.

Метафора трудного пути, страданий, преодоления испытаний, жертв и потерь на пути к светлому будущему, антитеза проклятого прошлого и счастливого будущего, тьмы и света – характерная черта политической риторики того времени – активно используется и в речах Вышинского: *Путь к истине в этом деле особенно тяжел и труден. Путь к этой истине лежит через дебри преступлений. Но государство дало нам в руки средство преодолеть эти дебри. Это средство – наш могучий меч пролетарского правосудия. При его помощи мы проложим себе путь через дебри, через дремучий лес совершенных подсудимыми преступлений, мы выйдем на вольный воздух, на светлую дорогу, ведущую к истине... И как бы ни тяжела была наша задача и наша обязанность государственного обвинителя, эту задачу мы разрешили, эту обязанность выполним, ибо этого требует благо революции, благо народа – наш высший закон* [Там же: 34].

Карательная риторика, патетика страстного обличения врагов, проклятия в адрес преступников, как правило, сменяются (обычно к концу речи, в той части, где, согласно традиции судебного обвинения, должны быть соображения в пользу обвиняемого) прославлением трудовых достижений советского народа,

подвигов покорителей севера, размаха государственного строительства, мудрости власти, партии и ее вождей и т. д. Такая смена эмоционального тона в риторике относится к так называемому *повышающему пафосу*:

Вот уже первая весна нашей второй большевистской пятилетки, когда скоро наши социалистические поля заколосятся новыми хлебами, которые придут на помощь городу, нашей промышленности, которые помогут этой промышленности еще выше поднять великие леса своей социалистической стройки. И с высоты этих грандиозных лесов нашей социалистической стройки, венчающей новые и новые победы, усилия, творческий труд, энтузиазм пролетариата, нашей партии под руководством Центрального Комитета и вождя нашей партии товарища Сталина, пролетариата, совершившего героический путь побед, – еще ничтожнее, еще постыднее, еще отвратительнее будут казаться эти гнуснейшие преступления, которыми пытались остановить победоносный ход социалистической революции эти ничтожные, продажные и предавшиеся, изменившие и предавшие социалистическую родину люди! [Там же: 239].

Налицо активное использование приемов политической пропаганды, не просто пересекающейся в выступлениях Вышинского с судебной-процессуальной функцией обвинительной речи, но перебивающей, заглушающей правовую и фактическую аргументацию (в большинстве случаев у него – довольно логичную и убедительную). Риторическая цель – воздействие на судей и влияние на судебное решение отступает на второй план перед манипулятивным воздействием на присутствующих и на общественное мнение о тех или иных событиях. Политические разоблачения, идеологические оценки, призывы, прославление существующего политического строя и т. д. – все это и есть политическая пропаганда.

Следует отметить, что характер и степень политического пафоса зависит от степени политичности дела, от пафоса фактов, под которым понимается не столько использование в качестве приема формирования настроения слушателей восклицаний и риторических аргументов, сколько введение в нарратив речи таких фактов, «которые сами по себе, без пояснения и увещания, должны зародить в них сострадание или негодование; это могут быть факты в тесном смысле слова, то есть внешние события жизни, или душевное состояние, пережитое действующими лицами драмы» [17: 305].

Талант А. Я. Вышинского как судебного оратора заключается в том, что он умело

подключает к стратегии обвинения и этот универсальный, лишенный, на первый взгляд, политической подоплеки вид пафоса. Так, в тех судебных процессах, в которых разбирались уголовные дела о смерти людей: гибель экипажа и пассажиров парохода, которых могли спасти, но не спасли, сбежали, боясь за свою безопасность, моряки другого парохода, находящегося поблизости в момент вспыхнувшего и разгоравшегося пожара («Дело о гибели парохода «Советский Азербайджан»» 1935 г.); убийство доктора Вульфсона, травля его жены – доктора Фельдман, издевательство над местным населением: мор, изнасилования, убийства («Дело бывшего начальника зимовки на острове Врангеля Семенчука и каюра Старцева» 1936 г.), Вышинский разворачивает живописные картины разыгравшейся драмы, страданий людей, зверства преступников и при этом находит место для идеологических оценок и выводов:

Наша основная задача заключается не только в разгроме нашего классового врага и в подавлении его преступных происков. Наша задача – и в воспитании новой дисциплины, в воспитании новых кадров, в воспитании новых людей такими, чтобы каждый из них отвечал тем требованиям, какие предъявил в своем историческом приветственном слове к туркменским колхозникам, приехавшим за 4 тыс. километров из далекой Туркмении с колхозным приветом в нашу советскую столицу, наш вождь и учитель, вождь и учитель трудящихся всего мира товарищ Сталин (...) На уроках этого процесса мы имеем возможность глубже понять и лучше оценить величие исполнения каждым трудящимся своего долга. В этом заключается важнейшая сторона настоящего дела и настоящего судебного процесса [17: 146] и т.д.

В делах же политических он настойчиво проводит мысль о том, что на скамье подсудимых не политические противники, оппозиция власти, а бандиты и убийцы: Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц – она думала остановить своими грязными преступлениями бичение могучего сердца нашего великого народа! Презренная, ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду [17: 243].

Были ли эти эмоциональные оценки просто приемом убеждения, намеренно конструируемым уничтожением подсудимых или в этих суждениях проявлялось действительное отношение к ним прокурора, которое он не в силах был сдерживать? Ответ на этот вопрос находим у исследователей его деятельности как про-

курора: «Исходные стенографические записи, отразившие как содержание, так и стиль выступлений Вышинского на открытых судебных процессах, показывают, что он был абсолютно искренним в своих обвинительных речах. Его выпады против обвиняемых, в ряде случаев принимавшие весьма грубую форму, выражали подлинные его чувства и настроения. Все подсудимые, независимо от степени доказанности их вины, особенно высокопоставленные большевистские партийные и государственные деятели, действительно воспринимались им как враги народа. Стремление Вышинского унижить, растоптать, уничтожить их не было навязано ему какими-либо приказами или рекомендациями извне, а шло изнутри него» [7: 3–4].

Напомним, что пафосом в риторике считается не только эмоция, но и эмоциональная техника, внутренняя установка доказывания тезиса, эмоциональный стержень стратегии убеждения. В пафосе Вышинского таким стержнем является воинственный настрой, дух непримиримой борьбы и осознание своей миссии предводителя (не вождя) в этой борьбе. Как образно обозначил эту его роль В. А. Томсинов, ему было назначено стать «поводырем в кровавое месиво» для воинствующих революционеров [7: 26]. Во многом это был пафос эпохи, обусловленный мировоззрением верхушки власти, сформированным в условиях войны, «репрессивным типом сознания советского правящего слоя» [7: 37], внутрипартийными распрями, а также отсутствием в стране системы административного управления, нехваткой образованных людей-государственников и многими другими причинами, характерными для слома государственности, смены эпох.

Говоря о специфике стратегии и пафоса обвинения в речах Вышинского, следует коснуться своеобразия сочетания пафоса с набором доказательств, которому он уделяет довольно много времени и внимания. Не останавливаясь подробно на особенностях его рассуждений о фактической, правовой и морально-нравственной стороне преступления, отметим только, что логика этих рассуждений и языковые способы ее формирования очень схожи с тем, что пишет, например, Н. И. Розина об аргументативном стиле текстов И. В. Сталина – его «железной логике» и иллюзии простоты и понятности рассуждений, основанных на логике толпы, обыденном сознании, отразивших логический стиль эпохи: «Понять стилистику и внешне “железную” логику текстов Сталина – значит понять стилистику целой эпохи развития советской политической речи и раскрыть те методы, которыми вслед за ним ораторы, лекторы, авторы пуб-

лицеистических и научно-популярных текстов манипулировали сознанием своих слушателей. Важнейшая функция особой стилистики и логики сталинских текстов состояла не только в том, чтобы сделать его тексты и речи понятными любому слушателю и читателю, но и в том, чтобы представить реальность такой же простой и понятной, как его тексты, заставляя воспринимать как должное ее неотъемлемую часть: аресты, несправедливый суд, расстрелы и лагеря» [18: 103].

Этот стиль созвучен стилю речей Вышинского именно потому, что он эпохален: и аргументация, и пафос были нацелены на политическое обоснование и морально-нравственное оправдание в глазах общества карательных судебных решений и требований высшей меры, в первую очередь, для политических оппонентов. При этом наивно, по-видимому, было бы полагать, что, несмотря на тщательно выстроенную им аргументацию, именно его судебные выступления буква в букву определяли принятие этих решений. Ему, как судебному оратору, была отведена роль не столько аргументатора, сколько глашатая советского правосудия и политического пропагандиста-разоблачителя в политическом противостоянии власти и несогласных или даже просто негодных, о чем и свидетельствует пафос его речей: «Политическое и идеологическое предназначение открытых московских судебных процессов 1936–1938 годов заставляло Вышинского выступать на их заседаниях скорее в качестве политика-обличителя, нежели прокурора-обвинителя. Правовое содержание своих выступлений, юридическую аргументацию он подчинял политическим и идеологическим целям» [7: 3].

3. Человек и общество в речах А. Я. Вышинского: опыт реконструкции образной системы

Вы видите, что дело решено.
Вы скажете: жалкий актер?
– Нет; вы скажете: настоящий оратор.
П. Сергеев (П. С. Пороховщиков)

Одним из обязательных аспектов содержания обвинительной речи, сложившихся в традиции судебного выступления и получивших жанрово-правовое обоснование, является характеристика лиц, участвующих в деле, чаще всего – подсудимых. О том, что это особое направление красноречия, писал еще Цицерон: «Есть два (...) рода вопросов, которыми занимается

красноречие, – один отвлеченный, другой определенный. Под отвлеченным (...) понимается такой, какой ставится в самой общей форме (...). Под определенным – такой, какой ставится *относительно отдельных лиц* (курсив мой. – О. А.) и точно установленных случаев; примерами их служат те, выяснением которых занимаются на форуме и при гражданских делах и разбирательствах. Этого рода (вопросы. – О. А.) ставятся (...), во-первых, при выступлении в суде, во-вторых, при выступлении на совете» [19: 108–109].

Характеристики людей значительно влияют на стилистику речей А. Я. Вышинского. Они многочисленны, разнообразны по объему, оценке, которую он дает человеку, выразительности и словесным приемам их формирования. Человеческий мир речей Вышинского, как город N в «Мертвых душах», «и люден, и велик, и населен как следует». Портреты подсудимых и пострадавших от их преступлений включены в общую картину не только анализируемых событий, но и всей жизни современного оратору социума – советского общества. Перед глазами слушателей возникают отдельные и собирательные образы и советского чиновничества, и производственников, и торговцев, и политической, в прошлом революционной элиты – участников судебного процесса, и «закадровых», «внеценных персонажей» судебного процесса: от славных трудящихся молодой советской республики, «вождей и учителей» советского народа до зарубежных политических и идеологических оппонентов, в том числе в вопросах советского правосудия.

Системная организация всего этого множества людских портретов строится, как и поэтика пафоса, чаще всего на противопоставлении: для участников судебного процесса³ это, например, противопоставление *враги и не враги*: преступники и те, кто им противостоял в их преступлении – истинные граждане советского государства. Это противопоставление в рассуждении оратора выходит за рамки характеристики участников судебного процесса и вырастает до масштабов социального и социально-политического противопоставления, например: *мы и они*.

Вопреки традиции судебной речи, Вышинский дает подробные характеристики в основном обвиняемым (подробных портретов потерпевших почти нет). Именно это дает ему возможность выдержать пафос уничижения, иронии, обличения. В качестве важнейшей

³Кстати, никакого собирательного обозначения для этой категории людей в речах Вышинского не употребляется, он не использует характерных для современной юридической речи слов *фигуранты дела, потерпевшие* (первое вообще не встречается, второе – только в грамматическом статусе причастия). Людей он обозначает конкретно – по фамилиям/должностям/профессии или оценочно (*разложившийся тип, вредитель, мародер, паук, лакей капитала*). Слова *обвиняемый* и *подсудимый* используются им очень широко.

черты личности почти каждого характеризуемого он выделяет социально-классовое происхождение или факт политической биографии – черты, которая может усугубить или (реже) облегчить участь подсудимого:

Лобанов. Я о нем уже сказал. Конечно, это разложившийся тип, это тип и вредителя и шпика второго сорта. В нем воплотились, мне кажется, и все особенности **того класса, представителем которого он является, класса, морально разложившегося, морально себя уже исчерпавшего. Отец – заводчик, брат – арендатор мельницы.** Вот его родословная, которая определяет **точки его моральной опоры.** Знаем мы эти точки, знаем мы эту мораль, – она воплотилась и в Лобанове [17: 227];

Кто такой Ширяев? **Это человек со старыми революционными традициями,** это человек, который не является по своему прошлому обывателем, мелким торговцем, ползающим по обывательской земле жучком. Ведь какими он тут бросался рекомендациями! **Он был там, он был здесь, он был членом революционного совета фронта, членом военно-революционного комитета.** Да, было, все это было... Высокие когда-то, доблестные должности он занимал. А что он сейчас представляет собой? (...) Для революции **он мародер** в тылу революции, для нашего строительства он **взрыватель.** **Он умер** для нашей творческой жизни, **он умер** для нашего будущего... [Там же: 20];

Теплов – это **человек случайный в партии, примазавшийся к партии.** Он попадает в атмосферу лжи, подлогов, взяточничества, казнокрадства, хищений. (...) Потому что **он не коммунист,** потому что в нем под маской коммуниста скрывается настоящий **обыватель.** **Этот коммунист** пал до того, что держал на ипподроме беговых лошадей, используя свое ответственное положение в личных, корыстных интересах [Там же: 26];

Я не могу в заключение не напомнить вам, товарищи судьи, об одном моменте судебного следствия. Это было тогда, когда перед вами пронесли картины гражданской войны, картины героической борьбы наших славных красногвардейских, партизанских, пролетарских отрядов против колчаковщины. Перед вашим умственным взором прошла картина колчаковской тюрьмы, куда белогвардейскими палачами были брошены **наши братья, борцы** за советскую власть, за дело рабочего класса. **В этой ужасной колчаковской тюрьме томился в те дни и Позигун, честно боровшийся с нашими врагами, отдавая свою жизнь за наше**

общее дело. Этого не вспомнить нельзя. Нельзя не вспомнить этого сейчас, когда Позигун сидит перед вами с низко опущенной головой, ожидая решения своей участи, сгорая от стыда и позора. Я не сомневаюсь, что вы вспомните в совещательной комнате и эту страницу жизни Позигуна и учтете это при определении ему меры наказания.

Пролетарская революция, беспощадная к врагам, великодушна к тем, кто случайно встал на путь преступлений и кто способен сойти с этого пути, кто способен вернуться к честной жизни, к благородным подвигам, к творческому труду [Там же: 29] и т. п.

Характеристики «персонажей» встроены в структуру пафоса, поэтому пронизаны главным образом ироническим уничижением. Средства и способы формирования иронии в характеристиках подсудимых разнообразны. Из наиболее интересных можно отметить аллюзии к произведениям и литературным героям русских писателей:

...Преступление Рунова как на ладони. Я не буду поэтому утомлять внимание суда детальным рассмотрением этого преступления. Человек этот – да простит он мне это невольное сравнение – воплощение того героя **«Мертвых душ»**, который фигурировал под весьма прозаическим именем **«кувшинного рыла».** **Он как будто так с рукой, согнутой лодочкой, и создан; он весь представляет собой ожидание и вопрошение** ... [Там же: 22].

Монаков – фигура довольно колоритная. Как-то незаметно выплыл **этот человек,** про которого можно было бы сказать, как сказал Тургенев в своих **«Записках охотника»** про Сучка: **«Эх, и видал же ты, Кузьма, виды».** И действительно, этот Кузьма – Монаков – виды видал: он был и в подотделе снабжения Астраханского завода, и в Главконсерве, и в Областьрыбе, и вторым помощником директора, и так далее, и так далее, но никогда не был ни производственником, ни красным купцом... [Там же: 93].

...Это соглашение мне напоминает **басню Крылова «Лев на ловле».** В басне говорится, как собака, лев да волк с лисой между собой заключили соглашение – «положили завет» – сообща зверей ловить. Лиса поймала оленя, начали делить. Тут одна из «договаривающихся сторон» говорит: **«Вот эта часть моя по договору, вот эта мне, как льву, принадлежит без спору, вот эта мне за то, что всех сильнее я, а к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет, тот с места жив не встанет».** (Смех) Очень похож этот «завет» на ваше соглашение, **господа подсудимые, господа**

офицеры германского и японского фашизма! Так получилось и у вас, с той лишь, пожалуй, разницей, что в вашем соглашении **лев фигурирует на ролях цепной собаки** [Там же: 283].

Нередко для характеристики подсудимых Вышинский цитирует их показания на допросах, их реплики на суде или даже зачитывает выдержки из их публикаций, например, из статей Каменева и Зиновьева, сопровождая цитаты своими саркастическими комментариями. И иногда в этих цитатах проступает истинный портрет и истинные чувства того, о ком идет речь, например: *Поэтому Шабашвили и говорил: «Я думал, что приеду в Москву не на скамью подсудимых, а как кандидат на первую премию по производству»*. И он имел определенные основания так думать. Но случилось не так. И случилось не так потому, что мало думать о первых премиях, мало даже так работать, как работал Шабашвили, – нужно еще уметь подниматься на высоту государственного понимания своих задач [Там же: 100];

Спрошенный здесь об этом Каменев был очень краток. Между нами произошел диалог, который я позволю себе напомнить. Я спрашивал: «Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году и в которых выражали преданность партии? Обман?»

Каменев: **Нет, хуже обмана.**

Вышинский: Вероломство?

Каменев: **Хуже!**

Вышинский: Хуже обмана; хуже вероломства – найдите это слово. **Измена?**

Каменев: Вы его нашли!» [Там же: 252];

И тогда Каменев **попытался показать себя политически ослепшим человеком**. Он говорил: «Я ослеп – дожил до пятидесяти лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказывается, действовал, в котором участвовал действием и бездействием, словом и молчанием» [Там же: 258].

Такие высказывания передают то состояние отчаяния, безнадежности и непонимания происходящего, которое испытывали подсудимые. Но обвинитель постарался нейтрализовать горечь и самоиронию таких признаний и истолковать их в пользу обвинения: дескать, даже сами преступники понимают, насколько чудовищны их преступления.

Особая категория «врагов», персонажей речей Вышинского – иностранцы: как подсудимые («Дело о вредительстве на электрических станциях СССР» 1933 г.), так и закордонные политические и идеологические оппоненты – *иностранные круги*, заочная полемика с которыми тоже окрашена иронией, выраженной

самыми разными средствами, в том числе постоянно повторяющимся в контексте политической критики уничижительным обозначением *господа*: **Этим господам**, видите ли, не нравится наша Конституция, наш советский строй, наш советский суд [Там же: 194]; **Кое-какие господа** из английской палаты общин пытаются противопоставить нашему суду свой суд и свое правосудие... [Там же: 195]; Не нравятся **господам капиталистам** и наши процессуальные порядки и наши процессы, направленные против контрреволюционеров и вредителей [Там же]; **Этим господам** не нравится и наш процессуальный порядок, касающийся предварительного следствия... [Там же: 197]. Примечательно, что для формирования иронической характеристики Вышинский активно использует местоимения *этот*: *эти господа, этот коммунист* и т. п., такой прием обогащает наши представления о стилистическом потенциале местоименной лексики.

Система портретов представителей эпохи, конечно, не исчерпывается перечисленными типами. Задача их полного обзора не ставилась в данной статье. Но нельзя не отметить еще один типаж этой системы – это сам оратор, прокурор Вышинский. В. А. Томсинов, например, неоднократно отмечает прокурорский императив и в дипломатической, и даже в научной его деятельности: «Профессия прокурора-обвинителя во многом сформировала Вышинского, повлияла на его человеческую сущность» [7: 2].

Реконструкция этих и других черт его образа может рассматриваться как перспектива развития темы. Она так же, как и анализ стиля обвинительной речи, может быть выполнена на пересечении методики риторики (Вышинский как образ ратора, профессиональный, социальный и исторический тип оратора), коммуникативистики (образ субъекта речи, дискурсивной личности) и даже лингвопоэтики (классический образ автора – эстетическая категория художественной и художественно-публицистической речи).

Очевидна и незаурядность личности А. Я. Вышинского. Его речи отражают глубокую его образованность, широкий культурный кругозор, умение теоретизировать, владение аргументативной техникой, владение словом и в то же время явное стремление манипулировать сознанием слушателей, идеологическую и политическую конъюнктурность, беспощадность и такие эмоции, которые далеки от представлений об этике судебной речи. В его характеристике как языковой личности могут быть использованы и общепринятые в лингвистике приемы речевого портретирования: анализ специфики функци-

онирования тех или иных языковых средств (лексических, грамматических), степени, характера и направленности языковой игры и словотворчества, аллюзий и использования прецедентных текстов, характера и средств выражения экспрессии, картины мира оратора и т. п. Реконструкция языковой личности Вышинского является, безусловно, одним из самых перспективных направлений анализа его речей.

В заключение нельзя не отметить, что речи А. Я. Вышинского дают богатейший материал для изучения самых разных аспектов языка и речи: языковой ситуации 30–40-х гг. (лексического состава, грамматики, социолингвистических характеристик языка, лингвокультурного контекста), речевой практики этого периода (стилистики речи, общей и исторически обусловленной специфики публичной речи, жанровой организации судебного процесса, традиций и приемов политической

агитации и пропаганды, ведения политической полемики и других форм политической коммуникации). Многие из названных направлений приобретают сегодня особую актуальность в таких явлениях современной публичной коммуникации, как «информационные войны», фейки, активизация высказываний пропагандистской направленности, в том числе преследуемых законом (призывы, дискредитация, пропаганда и т. п.), современная политическая аналитика, политико-идеологические аспекты освещения событий в СМИ и т. п. Проекция стилистики обвинительных выступлений А. Я. Вышинского на те или иные формы современной судебной и политической речи поможет выявить в них черты универсальные, например, обусловленные жанром, сферой его использования, общими механизмами публичного воздействия, и специфические – свойственное именно данной исторической эпохе или индивидуальному стилю оратора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеевнина О. Ю. Дело (жанр, концепт, слово) в антропологии правовой сферы // *Жанры речи*. 2018. № 2 (18). С. 127–135. URL: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-127-135>
2. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Проспект, 2014. 560 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. // Фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757376> (дата обращения: 23.01.2024).
4. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. М. : Проспект, 2017. 1136 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757376> (дата обращения: 30.01.2023).
6. Есина А. С., Семенов М. Э. Характеристика функции прокурора – государственного обвинения. URL: <https://studfile.net/preview/1771356/> (дата обращения: 15.11.2022).
7. Томсинов В. А. Прокурор СССР А. Я. Вышинский и феномен «сталинских репрессий»: итоговые размышления и выводы. URL: http://tomsinov.com/russia_contemp/tomsinov_v.a-prokuror_ssr_a.ja-vyshinskij_i_fenom.pdf (дата обращения: 15.05.2024).⁴
8. Авдеевнина О. Ю., Девяткина В. В. Судебные речи советских обвинителей: проблемы риторической, культурно-речевой и стилистической преемственности // Феномен

многонационального Советского Союза: история, наследие и социальная память. К 100-летию образования СССР : материалы междунар. науч. конф. (Саратов, 14–15 октября 2022 г.) / под ред. А. П. Мякишева. Саратов : Саратовский источник, 2023. С. 194–201.

9. Мельников И. И., Мельников И. И. Судебная речь. М. : ПравоБук, 2017. 528 с.
10. Волков А. А. Основы риторики : учебное пособие для вузов. М. : Академический Проект, 2003. 304 с.
11. Землякова Н. В., Гарбовская Н. Б. Образные средства языка в выступлениях судебных ораторов как один из приемов эффективной коммуникации // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 6 (124). С. 95–99. URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.6.21>
12. Бачалиашивили О. В. Аргументация как речевое действие в судебном дискурсе // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2013. Вып. 4, т. 1. С. 169–175.
13. Крапивкина О. А. Диалектическое взаимодействие аргументации и манипуляции в судебных дискурсивных практиках // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 12 (90), ч. 1. С. 130–134. URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018.12-1.27>
14. Зрелова М. В. Языковые средства выражения аргументации в судебном дискурсе конца XIX века (на материале речи прокурора в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») // *Слово. Ру: балтийский акцент*. 2018. Т. 9, № 1. С. 86–93. URL: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-1-7>
15. Девяткина В. В. Судебная риторика : учебное пособие. Саратов : ИЦ «Наука», 2013. 180 с.

⁴См. также серию статей В. А. Томсинова, доктора юридических наук, профессора МГУ, посвященных анализу прокурорской деятельности, теоретико-правовых воззрений А. Я. Вышинского и обзору дел, в которых он участвовал, которые публикуются в каждом номере журнала «Законодательство», начиная с 2017 г. (№ 8) и по 2024 г. (№ 4). На сегодняшний день опубликована 81 статья (<https://www.garant.ru/company/lawm/>) и другие его работы об эпохе репрессий и деятельности А. Я. Вышинского на сайте: «Сайт доктора юридических наук, профессора МГУ В. А. Томсинова» <http://tomsinov.com/> (Томсинов В. А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), государственный деятель и правовед. Часть первая; Томсинов В. А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), государственный деятель и правовед. Часть вторая).

16. Сергеев П. Искусство речи на суде. М. : Юрайт, 2014. 395 с.
17. Вышинский А. Я. Судебные речи. М. : Госюриздат, 1955. 358 с.
18. Розина Р. И. Корифей пропаганды, или Риторика Сталина // Русская речь. 2021. № 3. С. 91–103. <https://doi.org/10.31857/S013161170015456-0>
19. Цицерон. Об ораторском искусстве: трактаты. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2021. 496 с.

REFERENCES

1. Avdevnina O. Yu. Case (genre, concept, word) in legal sphere's anthropology. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 127–135 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-127-135>
2. Bezlepkin B. T. *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article)]. Moscow, Prospekt, 2014. 560 p. (in Russian).
3. The Criminal Procedure Code of the RSFSR of May 25, 1922. *Fund of legal and regulatory-technical documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901757376> (accessed January 23, 2024) (in Russian).
4. *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Pod red. A. V. Mal'ko [Mal'ko A. V., ed. Legal encyclopedic dictionary]. Moscow, Prospekt, 2017. 1136 p. (in Russian).
5. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 29.12.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.01.2023)* [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 29.12.2022) (with amendments and additions, effective from 11.01.2023)]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901757376> (accessed January 30, 2023) (in Russian).
6. Esina A. S., Semenenko M. E. *Kharakteristika funktsii prokurora – gosudarstvennogo obvineniya* [Characteristics of the function of the prosecutor – state prosecution]. Available at: <https://studfile.net/preview/1771356/> (accessed November 15, 2022) (in Russian).
7. Tomsinov V. A. *Prokuror SSSR A. Ya. Vyshinskiy i fenomen "stalinskikh repressiy": itogovyye razmyshleniya i vyvody* [USSR Prosecutor A. Ya. Vyshinsky and the phenomenon of "Stalinist repressions": final thoughts and conclusions]. Available at: http://tomsinov.com/russia_contemp/tomsinov_v.a-prokuror_ssr_a.ja-vyshinskij_i_fenom.pdf (accessed May 15, 2024) (in Russian).
8. Avdevnina O. Yu., Devyatkina V. V. Courtroom speeches of Soviet prosecutors: Problems of rhetorical, cultural, speech, and stylistic continuity. In: Myakshhev A. P., ed. *The phenomenon of the multinational Soviet Union: History, heritage and social memory. To the 100th anniversary of the formation of the USSR: Materials of the international scientific conference (Saratov, October 14–15, 2022)*. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2023, pp. 194–201 (in Russian).
9. Mel'nikov I. I., Mel'nikov I. I. *Sudebnaya rech'* [Court speech]. Moscow, PravoBuk, 2017. 528 p. (in Russian).
10. Volkov A. A. *Osnovy ritoriki: uchebnoye posobiye dlya vuzov* [Fundamentals of rhetoric: A textbook for universities]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2003. 304 p. (in Russian).
11. Zemlyakova N. V., Garbovskaya N. B. Figurative language in the speeches of court speakers as one of the techniques of effective communication. *Theory and Practice of Social Development*, 2018, no. 6 (124), pp. 95–99 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.6.21>.
12. Bachaliashvili O. V. Argumentation as a speech act in judicial discourse. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2013, iss. 4, vol. 1, pp. 169–175 (in Russian).
13. Krapivkina O. A. Dialectical interaction of argumentation and manipulation in judicial discursive practices. *Philology. Theory & Practice*, 2018, no. 12 (90), pt 1, pp. 130–134 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018.12-1.27>
14. Zrelava M. V. Linguistic means of expressing argumentation in judicial discourse at the end of the 20th century (based on the speech of the prosecutor in F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"). *Slovo. Ru: Baltic Accent*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 86–93 (in Russian). <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-1-7>
15. Devyatkina V. V. *Sudebnaya ritorika: uchebnoye posobiye* [Judicial rhetoric: A textbook]. Saratov, ITs "Nauka", 2013. 180 p. (in Russian).
16. Sergeich P. *Iskusstvo rechi na sude* [The art of speech in court]. Moscow, Yurayt, 2014. 395 p. (in Russian).
17. Vyshinskiy A. Ya. *Sudebnyye rechi* [Court speeches]. Moscow, Gosyurizdat, 1955. 358 p. (in Russian).
18. Rozina R. I. The coryphaeus of propaganda, or Stalin's rhetoric. *Russian Speech*, 2021, no. 3, pp. 91–103 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S013161170015456-0>
19. Tsitseron. *Ob oratorskom iskusstve: traktaty* [On the art of oratory: Treatises]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021. 496 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 22.06.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 30.08.2024; опубликована 31.08.2026

The article was submitted 22.06.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 30.08.2024; published 31.08.2026